

«За порог открытой сказки»: хождение по аду Василия Тёркина

Поэма Твардовского «Тёркин на том свете» до её публикации была даже не самиздатом - её запоминали, переписывали, пересказывали. Поразительной легкости стих легко укладывался в памяти. Нелёгкой была история создания поэмы, драматической – роль, которую она сыграла в судьбе автора.

Путешествие в загробный мир задумывалось поначалу как финальная глава еще не завершенной поэмы «Василий Тёркин». Пропущенные цензурой фразы перетекали в эту главу, которая разрасталась, обретала самостоятельность, вбирала в себя копившийся в душе критицизм. Пафос новой поэмы Твардовский определял как «суд народа над бюрократией и аппаратчиной». Драматизм, если не трагизм ситуации, в которой оказался поэт, заключался в том, что сам он представлял и народ, и аппарат. Как «литературный генерал» он был заложником системы, против которой восставало крестьянское естество с его искательством высшей правды, генетической памятью о тех, «кому на Руси жить хорошо».

История выхода в свет поэмы теперь, по воспоминаниям сотрудников «Нового мира», хорошо известна. Твардовскому, назначенному в 1950 г. главным редактором журнала, в публикации «пасквиля на советскую действительность» отказали. Не забыли о «клеветнической поэме» и когда снимали с этого поста в 1954 г. Новый её вариант обсудили на секретариате Союза Писателей СССР, сигнализировали выше – это и стало подоплекой решения о снятии, формально мотивированном появлением в журнале статей, противоречивших «линии партии» (Ф. Абрамова, М. Лифшица, М. Щеглова). Особую позицию занимал якобы симпатизировавший Твардовскому Хрущёв, но не воспротивившийся его снятию. Не пошёл он навстречу поэту при следующей его попытке получить разрешение на публикацию. Хрущев опасался, что образ генерала-покойника, коменданта иного мира, его слова «я бы тут навёл порядок» будут ассоциироваться с событиями в Венгрии 1956 г. Безуспешной оказалась и попытка конца 1950-х гг., когда Твардовского вновь назначили на пост главного редактора «Нового мира». И только в 1963 г., после выноса тела Сталина из Мавзолея, Хрущев публикацию одобрил. Предваряло её «трогательное» вступление Аджубея, делившегося в «Известиях» воспоминаниями о том, как Твардовский читал поэму на встрече писателей под Гагрой и как её слушали Хрущев и «литературные генералы» (Шолохов, Леонов, Федин). Ни в одной

из первых публикаций (в «Известиях», «Новом мире», книжном издании, трехтомнике 1990 г.) упоминаний о генерале-покойнике не было. По свидетельству близко знавших Твардовского людей, опубликованный текст поэмы был неполным.

Запрещён был в 1966 г., после нескольких показов, спектакль Плучека в Театре Сатиры, в котором Тёркина, попадающего на тот свет, играл Папанов.

История хождения по мукам поэмы не могла не найти отражения в поэме. Беседа в «Гробгазете», глава которой «сам себе и Глав и Лит», тому подтверждение. Автор получает упрёк:

Что избрал ты зыбкий путь
Потому – от коллектива
Оторвался – вот в чем суть.
Задурил, кичась талантом, -
Да всему же есть предел, -
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Имя Данте возникло не случайно. Литературная параллель сразу была подхвачена исследователями. Первым в книге «Данте и мировая культура» (1971) это отметил Голенищев-Кутузов, потом детально анализировал эту очевидную параллель, с выходами в творчество Пушкина, Шапир. Но «Божественная комедия» не единственный претекст поэмы Твардовского. Следует учитывать и богатую традицию русских народных преданий о том свете. Главное же – у Твардовского иной характер замысла. В поэме заявлена идея богооставленности:

Был бы бог, так помолиться.
А как нету – что тогда?
Что тогда – в тот час недобрый,
Испытанья горький час?
Человек, не чин загробный,
Человек, тебе подобный,

Вот кто нужен, кто бы спас.

Поэт пишет о людях и для людей. Расставаясь с главой «Гробгазеты», раскрывает свой замысел:

Мёртвых слов твоих набор.

Что ж с тобой вести мне речи, -

Есть с живыми разговор!

Проходите без опаски

За порог открытой сказки.

Твардовский пишет о советской реальности; «тот свет», «мрачная юдоль» - лишь условность, к которой прибегает автор. Ад – эта повседневная жизнь, которая видится раненному Тёркину и от которой он спасён врачами в военном госпитале в новогоднюю ночь. В советском мирном аду «не понять, где фронт, где тыл», поэтому лучше остаться на войне - здесь все честно, здесь известно, кто трус, а кто герой. Тёркин хочет жить – «День мой вечности дороже/ Бесконечности любой» - только как может сложиться его жизнь в мирной советской «сказке» автор умалчивает. Сказка-то открылась страшная...